

УДК 009

С. Н. Оводова

г. Омск, Россия

**СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И ТЕЛЕСНЫЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ:
ПРАКТИКИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается, как трансформировались телесные повседневные практики в период становления советского социалистического общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тело, культура, модерн, повседневность

S. N. Ovodova

Omsk, Russia

**SOVIET SOCIALISM AND THE COLLECTIVISM OF BODIES:
TRANSFORMATIVE PRACTICES OF EVERYDAY LIFE**

ABSTRACT. The article examines the ways in which everyday body practices were transformed during the formation of the Soviet socialist society.

KEYWORDS: body, culture, modernity, everyday life

Культурные революции нельзя рассматривать в отрыве от антропологических координат и социальных практик, которые видоизменяются вслед за трансформацией культуры. Мы предлагаем рассмотреть, как создание советского социалистического общества трансформировало повседневные телесные практики, как идеологические установки находили свое воплощение в создаваемых на тот момент шаблонах повседневного телесного поведения.

Л.А. Закс точно определил бытийное единство культурного, социального и антропологического, указав на их взаимообусловленную связь: «Общество как социокультурная система, социокультурный (а с учетом человека-индивида как самостоятельной его “единицы” – антропосоциокультурный) мир и его конкретные составляющие, их рождение, существование и развитие выступают общим объектом всех социально-гуманитарных наук» [1, с. 305], «границы взаимоотношений социального и культурного осуществляются в рамках... их *бытийного единства*, образующего сложноорганизованное целостное искусственного (надприродного) происхождения “тело”, в котором только концептуальное абстрактное мышление может

выделить и проследить специфические свойства и закономерности (“логику”, как уже говорилось) каждого из основополагающих начал-аспектов единого целого социума» [1, с. 305]. Приближаясь к пониманию проекта модерна как особого антропосоциокультурного проекта, мы будем апеллировать и к культуре, и к социальным практикам, и к доминирующим антропологическим проектам.

В советский период конструировался новый человек, призванный трудиться во имя новых идеалов и, следовательно, быть носителем новых ценностей. Формирование массового советского человека сопровождалось созданием новых норм повседневности, которые касались жилья, питания, одежды, отдыха, праздника, физического воспитания, массового образования и т. п.

Механизмы создания институтов общепита и перепрограммирования жилищных условий подробно описаны в книге Н. Лебиной «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю»: «Первой и главенствующей стала мысль о том, что нового человека невозможно сформировать в условиях старых архитектурных про-

странств, то есть в зданиях привычной планировки» [2, с. 78]; «Дома-коммуны должны были воплотить в жизнь идею коллективного жилищного быта, необходимой для формирования «коммунальных тел» [2, с. 78]. Пространственно-предметная среда влияет на человека, организуя его повседневное бытие. Цвет, форма, принцип комбинации вещей не просто создают определенное психологическое состояние человека, но и преобразуют социальную реальность, оказывают влияние на формирование культуры. Спроектированная среда содержит в неявном виде модели поведения, способы бытия человека. Наличие стульев и стола предполагает определенные позы и принципы размещения человека в пространстве, что влияет на характер коммуникации. Пространственно-предметная среда задает поведенческие координаты. Уплотненные жилищные условия советского периода, предполагающие сокращение личного домашнего пространства советского человека, призваны были объединить разрозненные индивидуальности в единый коллектив. Предметы домашнего обихода, спроектированные ВХЕТЕМАС (ВХУТЕИН), например, такие как диван-кровать, раскладные кресла, тумбочки, трансформирующиеся в большие раздвижные столы, и т. п., демонстрировали вынужденную рационализацию обустройства жилища. Совмещение нескольких функций в одном предмете мебели, – ответ на объединение функциональных зон (зона сна, рабочая зона, досуга) в жилом помещении, обусловленное сокращением жилых метров. Общежития-коммуны, фабрики-кухни, пространственно-предметные интерьерные решения представляли собой рационализацию повседневности, где все старались распланировать, где жизнь отдельного человека подчинялась ритму единого коллективного тела. Общепит 1920-х был призван не только распределить имеющиеся продукты питания между гражданами, но и сформировать привычку коллективного времяпрепровождения, выработать единые вкусовые привычки.

Дизайн предметов массового потребления, неважно, будет ли это дизайн одежды, дизайн среды или дизайн массового праздника, создает социальную реальность. Техническое и художественное преобразование предметной среды влечет за собой формирование новых телесных практик, новых принципов коммуникации, новых способов объединения людей. Человечество издревле переустраивает окружающий мир под свои нужды. Человек культурный живет в искусственной среде, в ходе окультуривания окружающей реальности человечество выкристаллизовывало себя как новый тип, отличающийся иными способами и принципами общности, и этот процесс не завершен.

Советский период отличается формированием новых телесных практик. Типизация, коллективизация, публичность и рационализация – это те координаты, в соответствии с которыми перестраивалось повседневное пространство советского человека. Планирование повседневности было частью задачи по созданию нового советского пролетарского коллективизма. Проникновение идеологической машины на уровень повседневности демонстрирует рациональный характер управленческих решений советской власти.

Культ разума характерен для тоталитарных режимов, презентующих миру свою разумность и целесообразность. Рациональность тоталитаризма проявляется в подчинении личного и временного – всеобщему и вечному, позволяет достигать «великих» целей, вырваться в авангард мировой истории. Необходимость придерживаться выбранного политического курса аргументировалась формулой «это разумно». Отказ от религии, создание коллективных хозяйств, покорение космоса, проекты по повороту рек, изменению климата в СССР – все это обосновывалось как разумное поведение, а следовательно, самое достойное. Отличает тоталитарное государство монополизация процесса принятия решений, планирование экономики, управление и контролирование всех сфер дея-

тельности, одним словом, воплощенная рациональность.

Именно в модерне появляются изобретения, упрощающие и одновременно ускоряющие жизнь человека, что приводит к усложнению и большей технократизации культурной среды, увеличению ее искусственности. Однако наряду с упрощением жизни человека искусственность культурной реальности повышалась, что привело к максимальному ее уподоблению рационализированному механизму. В модерне возникает феномен тотальной мобилизации, направленный на реализацию мегапроектов модерна, которые требовали от человека усилий, во многом превосходящих возможности человеческой природы. В модерне человек должен работать на достижение сверхцели, которая невоплотима в пределах его жизни. Великие проекты модерна СССР и США находятся за гранью как жизненного пути, так и усилий отдельно взятого конкретного человека. Идея доминирующей мировой системы, великих прорывов в науке, производстве, культуре, покорение космоса, успешная жизнь по образу американской мечты – все эти проекты рассчитаны на сверхрациональное расходование сил и времени человека.

Однако, несмотря на то что сверхцели советского проекта были недостижимы, пролетарский коллективизм формиро-

вался посредством повседневных практик. Концепт социализма получил свое коллективное тело, визуализация которого наиболее явной становилась в техниках массовой работы с телом. Шествия, физкультурпарады, массовые праздники – формирование коллективного тела осуществлялось и в праздничное время: «просто заниматься физическими упражнениями людям круга Луначарского – мечтателям и устройителям новой жизни – казалось недостаточным. Физкультура должна была стать частью театрального представления, а театр – использовать возможности физкультуры. Из этого составлялось “массовое действо”, и физкультурный парад, как оказалось, вполне мог стать одной из его разновидностей» [3]. Эти практики работы с массами можно охарактеризовать как реальное визуально-физическое воплощение воображаемого социалистического сообщества. Если в организованной повседневности единство пролетарского коллективного тела могло быть неявным, то в массовых мероприятиях оно визуализировалось. Идеологическая сила массовых мероприятий заключалась также в том, что демонстрировалось согласованно действующее и управляемое невидимой рациональной силой коллективное тело советского социализма, формирование которого происходило в повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Закс Л. А.* Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Уральская философская школа: 50 лет – 50 имен. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2016. – С. 294–309.
2. *Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.
3. *Сироткина И.* «Театр коллективного энтузиазма»: Мейерхольд, Подвойский и рождение жанра физкультурпарадов // Теория моды. – 2014. – № 33. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5356>